

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 132

(М а й)

1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦІИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ. Всю жизнь будетъ у тебя праздникъ, если будешь воздерживаться отъ порока и возлюбишь добродѣтель.—Слово святаго отца нашего Мовсея о ротѣхъ и о клеветахъ—Чѣмъ жива наша русская православная душа. *Никона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго.*—Пастырь душъ. (Памяти о. *Василія Боровецкаго*). *Игумена Неофита.*

Прилагается къ *Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ* **БЕЗПЛАТНО.**

ВО ВСЮ ЖИЗНЬ БУДЕТЬ У ТЕБЯ ПРАЗДНИКЪ, ЕСЛИ БУДЕШЬ ВОЗДЕРЖИВАТЬСЯ ОТЪ ПОРОКА И ВОЗЛЮ- БИШЬ ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Ы не заботишься и не помышляешь о томъ, какъ дать отчетъ во грѣхахъ, когда не стараешься даже и помнить о нихъ, но шутишь тѣмъ, чѣмъ не должно шутить. Но придетъ время, когда не пойдутъ уже намъ на мысль шутки. Вѣдь намъ непременно должно умереть, непременно должно и воскреснуть, непременно должно и на судѣ предстать, должно и мученію подвергнуться. Впрочемъ послѣднее не непременно, если захотимъ. Въ первомъ, т. е. въ смерти нашей, въ воскресеніи, и въ судѣ властны не мы, но Владыка нашъ; а чтобы подвергнуться наказанію, или нѣтъ, зависитъ отъ насъ, потому что это принадлежитъ къ области возможнаго. Если захотимъ, сдѣлаемъ и невозможнымъ, какъ сдѣлали Павелъ, Петръ и всѣ святые, поскольку имъ невозможно уже подвергнуться мученію. Такъ вотъ, если захотимъ, и намъ равнымъ образомъ невозможно будетъ пострадать чтонибудь. Хотя бы мы были обременены безчисленными грѣхами, можно еще исправиться пока живемъ здѣсь. Итакъ постараемся исправить себя. И кто достигъ старости, пусть представляетъ себѣ, что скоро переселится отсюда, и что довольно насладился уже пріятностями жизни (хотя какое удовольствіе проводить жизнь въ грѣхѣ?), пусть затѣмъ помыслить, что и въ короткое время можно омыть ему всѣ свой скверны. Пусть и юноша представить себѣ неизвѣстность смертнаго часа, и что, когда многіе изъ старцевъ пребываютъ еще здѣсь, юноши прежде ихъ похищаются смертію. Чтобы мы не злоупотребляли временемъ нашей кончины, оно оставлено для насъ неизвѣстнымъ. Потому и одинъ Премудрый въ увѣщаніе наше говоритъ: не медли обратитися ко Господу, и не отлагай день отъ дне (Сир. V, 8): не вѣси бо что породитъ находяй день (Притч. III, 28; XXVII, 1). Отлагательство производитъ опасеніе и страхъ; а немедленное обращеніе (къ Богу) вѣрное

и надежное спасеніе. Итакъ держись добродѣтели; въ такомъ случаѣ, хотя бы ты въ юности переселился отсюда, переселишься безопасно; хотя бы достигъ старости, переселишься обогатенный, и во всю жизнь будешь имѣть сугубый праздникъ, и какъ воздержавшійся отъ порока, и какъ возлюбившій добродѣтель.

(Изъ твореній св. Іоанна Златоуста).

СЛОВО СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО МОУСЕЯ О РОТВѢХЪ И О КЛЕВЕТАХЪ.

Пророкъ глаголетъ: яко того ради заключися небо не пустити на землю дождя, яко да не кленутся челоуѣцы Богомъ, и святыми Его, и другъ друга да не гонить до клятвы. Ибо святую Церковь невѣсту Христову ротою скверняютъ, приводяще сына закалаютъ предъ матерію, и слуги же тоя матере рождшія, и по духу брата своего святымъ крещеніемъ, піють кровь заколенного сына матере тоя. Того ради вся небесныя силы со страхомъ трепещутъ, занеже Господь Богъ не велить челоуѣка догнати до клятвы и роты. Поистиннѣ бо Спасъ нашъ Іисусъ Христосъ рече: челоуѣцы сіи ротою Мя чтутъ, и знаютъ: сего ради съ небесе сходящъ серпъ огнень Захаріа пророкъ видѣ идущъ на землю, въ долготу двадесять лакотъ, а въ ширину десять лакотъ: и о семь молящеся Богу, да проявитъ ему, и приде къ нему гласъ, глаголя: Сей есть серпъ, гнѣвъ Божій сходяй на тѣхъ, иже на кривѣ кленутся и ротятся, да пожжетъ я, и души ихъ огню негасимому предасть. Богу нашему слава.

Чѣмъ жива наша русская православная душа.

(Продолженіе).

XX.

А вотъ разсказъ простаго мужичка, слышанный мною 13 лѣтъ тому назадъ, тогда же записанный и напечатанный въ „Русскомъ Словѣ“, но теперь, конечно, забытый и читателями этой газеты. Старецъ-разсказчикъ—изъ Тульской губерніи, Веневскаго уѣзда. Онъ обратилъ на себя мое вниманіе не только золотою медалью,

украшавшею его грудь, но и своею наружностью: высокіи, стройный, благолѣпный...

— „Надо тебѣ сказать, родной, что въ молодости своей я былъ настоящимъ богатыремъ: за троихъ, бывало, работаль“,— такъ началъ онъ свой рассказъ. „Разъ,—это было раннюю весной,—понатужился я, да такъ, что едва добрель до пустого сарая, и тамъ, какъ былъ, въ одной рубахѣ, весь въ поту, бросился на землю и заснулъ богатырскимъ сномъ... Долго ли я спалъ—не помню: только проснулся и ужъ не могу двинуть ни рукой, ни ногой... Принесли меня въ домъ, стали лечить всякими деревенскими снадобьями: прошелъ мѣсяць—другой—я лежу какъ пласть, не могу подняться даже съ постели. Прослышали родители мои, что въ сосѣднемъ селѣ помогаетъ отецъ дьяконъ: повезли меня къ нему. Вышелъ онъ ко мнѣ на улицу,—я лежу на телѣгѣ, посмотрѣлъ да и говоритъ мнѣ: „хотя я и дамъ тебѣ лекарства, но лучше ты молись Царицѣ Небесной,—у васъ вѣдь въ селѣ храмъ во имя Ея. Она только можетъ тебѣ помочь въ болѣзни твоей“.

„Пріѣхали мы домой, сталъ я пить траву, которую далъ дьяконъ. Прошло недѣльки три, мнѣ стало будто полегче: подниматься сталъ, по избѣ бродить... Дѣло было уже осенью. Отецъ молотилъ на гумнѣ; вышелъ это я къ нему, едва на ногахъ держусь, а онъ съ горя то, что я не помогаю ему, и говоритъ мнѣ: „хоть бы глаза то мои не видали тебя: сердце все изныло, гляючи на тебя“.

„Заплакалъ я, пошелъ домой и въ сѣняхъ, не входя въ избу, прилежъ на лавочку. Больно горько мнѣ было, что родитель обижается на меня, а чтожъ я то подѣлаю?!.. Такъ лежалъ я, думалъ и заснулъ... И вотъ, вижу я во снѣ Царицу Небесную: идетъ Она, Матушка, прямо ко мнѣ, вся во славѣ такой, вся сіяетъ, будто въ царскомъ одѣяніи, и говоритъ мнѣ: „ты думаешь, что тебѣ дьяконъ помогъ, что бродить ты сталъ? Нѣтъ это Я тебѣ помогла“... Тутъ я и проснулся и сразу же почувствовалъ, что вся болѣзнь моя прошла... Бѣгу уже на гумно, какъ совсѣмъ здоровый, смѣюсь отъ радости... Всѣ удивились этому и стали Бога благодарить. А надо сказать, что родитель мой былъ церковнымъ старостой въ нашемъ селѣ. Приписали мы чудо это, мое исцѣленіе, милости Матери Божіей, и я еще усерднѣе сталъ помогать батюшкѣ своему въ его хлопотахъ по храму Божію; а когда онъ скончался, то прихожане въ одинъ голосъ выбрали меня въ старосты церковные. Не посмѣлъ я отказываться отъ добраго дѣла: помнилъ милость ко мнѣ Царицы Небесной и желалъ послужить Ей, какъ могу. А храмъ нашъ былъ деревянный, ветхій, такъ что, бывало, батюшка-священникъ служить, а дождь льетъ прямо на престоль, во святую

чашу... Священники у насъ все были перемѣнные: никому не охота было жить съ нами въ бѣдномъ нашемъ приходѣ, голодно приходилось имъ, особенно семейнымъ. Наконецъ, дошло дѣло до того, что благочинный объявилъ намъ рѣшеніе начальства: закрыть по ветхости нашъ храмъ родной, а насъ приписать къ сосѣднему приходу... Отслужилъ нашъ батюшка послѣднюю обѣдню, вышелъ со слезами изъ алтаря, да и говоритъ: „вотъ, православные, въ послѣдній разъ помолились мы въ нашемъ храмѣ родномъ, больше не будетъ тутъ службы Божіей: опасно стало служить въ немъ... Что-жъ, говоритъ: ужели мы допустимъ, чтобы приписали насъ въ чужой приходъ? Ужель пойдѣмъ отъ Царицы Небесной въ сосѣднее село?“. И такъ это хорошо говоритъ нашъ батюшка, что всѣ мы наплакались досыта. А потомъ и говоритъ: „давайте, православные, строить новый храмъ, Богъ милостивъ: давайте собирать на Божій храмъ!“ И самъ выложилъ тутъ же на тарелку 25 рублей: „вотъ, говоритъ, все, что имѣю, отдаю на построеніе новаго храма для Царицы Небесной“... И мы всѣ за нимъ, а ужъ у меня грѣшнаго сердце такъ и играетъ отъ радости,—слезъ не удержу: вѣдь Царица то Небесная—моя исцѣлительница!... Собрали сходъ, написали приговоръ, выбрали меня по этому дѣлу сборщикомъ, и пошелъ я къ преосвященному нашему владыкѣ Никандру съ прошеніемъ, чтобы книжку выдали мнѣ на сборъ. Вышелъ это ко мнѣ святитель нашъ, прочиталъ прошеніе да и говоритъ:

— Хотите вы строить деревянный храмъ, а я бы совѣтывалъ вамъ строить каменный: вѣдь деревянный-то простоитъ много—50 лѣтъ, и опять придется на новый собирать.

— Что-жъ, говорю, дѣлать, владыко, когда у насъ скудныя средства на это дѣло?

— А онъ: „Богъ пошлетъ, надо вѣрковать, я напишу въ книжкѣ, чтобы собирать на каменный“.

И пошелъ это онъ къ себѣ, чрезъ минутку выходитъ, выносить книжку подписанную и при ней 300 рублей.

— Вотъ, говоритъ, это вамъ отъ меня на доброе начало. Богъ васъ благослови!

Упалъ я въ ноги старцу Божію, слезно поблагодарилъ его, и отъ него прямо въ Москву. Былъ у меня тамъ землякъ одинъ, прикащикомъ служилъ въ магазинѣ на Тверской; какъ прибылъ я въ Москву, то прямо къ нему: такъ и такъ, говорю, помоги, братъ, дѣлу святому, укажи добрыхъ людей.

— Знаю я, говоритъ, одного добраго купца: много онъ помогаетъ на строеніе церковное, только любитъ все дѣлать тайно, чтобъ никто не зналъ... Поговорю ему, а ты денька черезъ два навѣдайся.

Прихожу я чрезъ два дня, ведетъ меня землякъ къ своему

доброму купцу. Тотъ встрѣтилъ меня такъ ласково, привѣтливо, сталъ подробно обо всемъ меня спрашивать. Я все, какъ умѣлъ, рассказалъ ему, а онъ и говоритъ мнѣ: „вотъ что, братъ: я напишу тебѣ по моему усердію, только съ условіемъ: смотри ты, пока я живъ, отнюдь никому ни слова объ этомъ“...

— Помилуй, родной, говорю ему: развѣ это можно, если тебѣ не угодно, чтобы люди знали?

И подписалъ онъ, и тутъ же деньги вынесъ—семь тысячъ рублей! Съ этими деньгами я прямо отъ него да ко владыкѣ нашему. Перекрестился святитель, когда я рассказалъ ему про своего благодѣтеля, и спрашиваетъ: „кто же это такое?“

— Не могу, святой владыко, заповѣдь его нарушить: не велѣлъ онъ никому объ этомъ говорить. А вы дайте намъ архитектора и благословите къ дѣлу приступить.

И благословилъ владыка. Приѣхалъ къ намъ епархіальный архитекторъ и все, какъ слѣдуетъ: планъ составилъ, канавы велѣлъ копать. „Копайте, говоритъ, аршина на три глубины, а тамъ я приѣду, посмотрю, закладывать можно“.

И пошла у насъ работа: наняли подрядчика, все какъ слѣдуетъ, стали рвы копать и что же? Вырыли на полъ-аршина, а дальше не беретъ ни заступъ, ни лопата, хоть ломомъ бей—твердый камень!..

Ѣду опять къ архитектору, говорю ему: извини, баринъ, не можемъ мы дальше полъ-аршина выкопать“.

— Почему же?

Я ему объяснилъ почему.

— Вотъ, говоритъ, чудак: чего испугались! Да это Самъ Богъ вамъ фундаментъ подложилъ! И отлично: нечего больше и рыть, я приѣду, посмотрю, и съ Богомъ—начнемъ кладку...

Такъ и вышло: онъ не счелъ нужнымъ копать глубже, и мы заложили фундаментъ. Ѣду я опять ко владыкѣ, прошу благословить и закладку храма Божія сдѣлать по чину, какъ подобаетъ.

Стали мы строить—въ водѣ была нужда большая. Село наше на высокой горѣ, отъ рѣки будетъ добрыхъ полверсты, а колодезь на горѣ не было: сколько церковники ни копали для себя колодца—вода не держалась. Брался одинъ мужичекъ возить, 70 рублей за лѣто просилъ, дорого мнѣ показалось. Дай, думаю, попробую: можетъ быть Царица Небесная и подастъ намъ воду для храма своего. И нанялъ я колодезника сосѣда за 14 рублей копать близъ храма до самой воды. Сталъ онъ копать, выкопалъ аршинъ семь—воды дѣвать некуда... Такъ всю церковь и построили съ этой водой. Отстроили мы Божій храмъ, раза два три ѣздилъ я къ благодѣтелю своему—купцу въ Москву, помогъ онъ намъ и на колокола, и на украшеніе Божія храма, и въ послѣдній разъ сказалъ мнѣ: „какъ готовъ будетъ храмъ къ освященію“.

нію—напиши мнѣ, я желаю къ вамъ пріѣхать на это торжество“...

Кончили мы всѣ работы, приготовили храмъ къ освященію. Ъду я самъ въ Москву къ благодѣтелю. День былъ праздничный; знаю это я, что купецъ мой тоже церковнымъ старостой въ своемъ приходѣ, Георгія въ Охотномъ ряду, или на Моховой, состоитъ, поэтому—прямо въ церковь. Смотрю среди церкви покойникъ стоитъ въ богатомъ гробѣ.

Подошелъ я къ выручкѣ старостинской и спрашиваю прикащика (меня ужъ признали его прикащики): „а самъ-то здѣсь“?

— А вотъ онъ, говоритъ, въ гробу-то лежитъ!..

Такъ и взвылъ я тутъ, какъ малый ребенокъ: благодѣтель ты нашъ, родимый нашъ батюшка!.. Меня хотѣли вывести изъ церкви даже—такъ я громко зарыдалъ, да родные покойнаго вступились, стали меня спрашивать: кто я такой и почему такъ плачу по ихъ покойничкѣ?

Тутъ ужъ, конечно, я все имъ рассказалъ,—потому—не зачѣмъ было укрывать добраго чѣла: нашъ благодѣтель къ Богу съ своимъ добромъ отошелъ... Не похитить у него этого добра никакая слава людская“...

Старикъ отеръ навернувшуюся у него слезу и замолкъ...

— Ну, и освятили вы свой храмъ? спросилъ я его.

— И освятили, родной ты мой. И вотъ еще что замѣчательно, батюшка ты мой,—началъ онъ опять: просили это меня наши церковники, батюшка съ псаломщикомъ, чтобъ поправить имъ новый колодезь, изъ котораго брали воду на Божій храмъ: пришла весна, поправилъ я срубъ, какъ слѣдуетъ, но воды въ немъ не стало вовсе... Попытались копать — ничего не вышло. Видно только для храма Божія подала намъ водицу Царица Небесная, а для своей житейской потребности велитъ трудиться—на рѣчку ходить за водой!..

— Ну, какъ же ты, дѣдушка, медаль-то получилъ? Стало быть за построение храма Божія? спросилъ я старичка.

— Да, родной мой, за построение-то не стоило мнѣ! Въдѣ не мои капиталы-то были, да владыкѣ было ужъ такъ угодно порадовать меня старика: представилъ за 33-лѣтнее служение въ должности старосты и вмѣстѣ труды мои при постройкѣ храма Божія... А что мои-то труды? Развѣ трудиться для Божія храма не великое счастье? заключилъ старецъ свое поучительное сказаніе...

Вотъ какъ Богъ помогаетъ русскимъ людямъ въ созиданіи и украшеніи храмовъ Божіихъ—этихъ несокрушимыхъ твердынь, на коихъ опирается всею мощью своею Русь православная!..

Въ видѣ примѣчанія къ сему разсказу скажу, что когда онъ былъ напечатанъ въ газетѣ, то покойный извѣстный противораскольничій миссіонеръ, протоіерей І. Г. Виноградовъ, служившій тогда у Пятницы въ Охотномъ же ряду, прочитавъ его, ска-

заль мнѣ: „я долженъ покаяться, вѣдь я считалъ куша Г., о коемъ у васъ рѣчь, за человекѣка скупого, а онъ—сокровенный благотворитель храмовъ Божіихъ былъ! Царство ему небесное! Надо молиться о немъ и о себѣ“...

Урокъ: прежде смерти не суди никого...

XXI.

Разсказывалъ мнѣ покойный мой евангельскій старецъ, впоследствии Сухумскій епископъ Геннадій: была у него на попеченіи родная сестра, монахиня Серпуховскаго Владычнаго монастыря, Фелицата, жившая тамъ съ своею дочерью, впоследствии тоже монахиней Геннадіей. Не сладка жизнь нашихъ инокинь: трудятся онѣ бѣдныя цѣлый день изъ-за куска хлѣба, гдѣ нѣтъ общежитій, и святое дѣло дѣлають тѣ, кто имъ оказываетъ помощь. Понятно, добрый братъ-инокъ помогаль сестрѣ-инокинѣ, чѣмъ могъ. Разъ пишетъ она ему, чтобы прислалъ рублей 15 на ея нужды. А у него самого—ни гроша: не копилъ онъ никогда про запасъ. Ну, думаетъ: Богъ пошлетъ, если дѣйствительная нужда у нея.

Была суббота, онъ готовился читать правило на служеніе въ воскресенье. Вдругъ слышитъ звонокъ. Отпираетъ дверь и видитъ незнакомую женщину, старушку, прилично одѣтую. Она проситъ его поисповѣдывать ее. О. Геннадій говоритъ, что онъ никогда никого не исповѣдывалъ, что это дѣло не его, что на то есть назначенные начальствомъ духовники. Тогда старушка проситъ его по крайней мѣрѣ прочитатъ ей правило.

— Это другое дѣло: съ удовольствіемъ помолимся вмѣстѣ, я и самъ хочу для себя читать правило, говоритъ онъ.

Стали на молитву. О. Геннадій читалъ не спѣша, благоговѣнно, повечеріе, каноны и акаѣисты. Старица сзади молилась усердно. По временамъ слышно было ему какое-то шуршаніе бумажекъ, а когда кончилось правило, богомолица подаетъ ему пачку кредитокъ съ словами: „вотъ вамъ, батюшка, за труды“!

О. Геннадій сталъ рѣшительно отказываться, но та быстро подошла къ божницѣ, положила на нее деньги и, наскоро принявъ благословеніе, вышла изъ кельи.

Тогда о. Геннадій взялъ деньги: оказалось 15 р.—ровно столько, сколько было нужно послать его сестрѣ.

XXII.

Вотъ еще разсказъ одного архимандрита, который наглядно даетъ понятіе о томъ, какъ Господь иногда утѣшаетъ насъ какъ малыхъ дѣтей.

„Есть у меня, говорилъ онъ, архимандричій крестъ, подаренный мнѣ въ 1892 году почтеннымъ о. архимандритомъ Павломъ, намѣстникомъ Троицкой лавры. А самъ о. Павель получилъ его

отъ архіепископа Ярославскаго Леонида. На крестѣ есть и проба 1753 года. Я дорожилъ и дорожу этимъ крестомъ не по цѣнности, конечно, а по тѣмъ воспоминаніямъ, какія съ нимъ соединены. Да и полтораста лѣтъ—все же довольно почтенная старина.

Такъ вотъ этотъ крестъ и далъ мнѣ урокъ: даже въ малыхъ, повидимому, обстоятельствахъ жизни прибѣгать къ молитвѣ и просить помощи Божіей. Вѣдь дитя просить же у матери иногда и игрушки, и мать ему не отказываетъ: откажетъ ли Отецъ Небесный намъ, Своимъ чадамъ, въ такой просьбѣ, исполненіе которой укрѣпитъ нашу вѣру и преданность Ему, милосердому Отцу?

Это было въ концѣ августа 1896 или 7 года. Отправился я съ своимъ дядюшкой, старцемъ священникомъ, навѣстить его дѣтей, моихъ родныхъ, въ Пермскую губернію. Благополучно доѣхали мы до Красноуфимска и уже возвращались оттуда по направленію къ Шадринску. Быстро несла насъ тройка почтовыхъ по прекрасной, усыпанной мелкимъ гравелемъ, дорогѣ; былъ вечеръ 29 августа, небо было все покрыто тучами, тьма была непроглядная, но мы всѣ втроемъ—съ нами былъ одинъ изъ сыновей дяди—мѣстный земскій начальникъ—залегли въ широкій и удобный тарантасъ и вели бесѣду. Проѣхали мы одну станцію, ямщикъ предлагаетъ безъ остановки везти еще станцію—мы согласились, и снова помчали насъ добрые кони дальше...

Но вотъ и станція Ключи. Мы сошли съ экипажа и первымъ дѣломъ осмотрѣли: цѣлъ ли нашъ багажъ, который былъ привязанъ сзади тарантаса. Увы! На его мѣстѣ болтались только перерѣзанныя веревки!..

Мы подняли тревогу: очевидно, большой саквояжъ былъ срѣзанъ въ пути. Но намъ не хотѣлось мириться съ мыслию, что насъ ограбили: думалось, не обронули ли мы саквояжъ отъ дорожной тряски. Сейчасъ же снарядили на поиски извозчика, въ сопровожденіи стражника, они отправились назадъ, на свѣжихъ лошадахъ, съ фонарями въ рукахъ. Часа черезъ два вернулись посланные—ни съ чѣмъ. Я горевалъ больше всего о крестѣ: „Господи! думалъ я: попадетъ эта святыня въ нечистыя руки жидамъ, сломаютъ ее, продадутъ серебромъ... Я охотно раздалъ бы стоимость креста бѣднякамъ, хоть рублей полтораста—только бы нашелся крестъ!“ Все остальное—дѣло нажитое, хотя тамъ были наши легкія рясы, и кое-какіе ордена, а у брата—его форменный мундиръ, бѣлье и пр. пожитки. Утромъ составленъ былъ протоколъ, написано заявленіе, я нарисовалъ даже изображеніе похищеннаго креста, все это передано чрезъ мѣстную полицію, куда слѣдуетъ. И мы отправились дальше.

Прошло дней пять. Мы уже были въ Казани.

Здѣсь я узналъ отъ брата, что онъ получилъ телеграмму изъ Красноуфимска: мой крестъ найденъ...

Какъ это случилось—я узналъ послѣ. Дѣло было просто: грабители; срѣзавъ саквояжъ, утащили его въ лѣсъ. Вѣроятно, опасаясь погони, они не рѣшились зажигать огонь; и тащить цѣликомъ добычу въ городъ или куда либо, не осмотрѣвъ, что добыли, не хотѣли; и вотъ, они полыхнули ножомъ верхъ саквояжа, вытащили изъ него все, что было въ верхней его части, и, ощупавъ дно, бросили его въ лѣсу, гдѣ и нашелъ его на утро пастухъ. Нижней части саквояжа они и не замѣтили, а въ ней-то, которая была въ видѣ сундучка, и лежали наши—мои и дя-дюшкины вещи.

Люди міра сего скажутъ конечно: простая случайность!

Какое неумное слово это—случайность! Вникните въ его смыслъ: вѣдь это значитъ просто: я не знаю причины совпаденія такихъ или иныхъ обстоятельствъ, того или иного явленія въ природѣ или въ жизни человѣка. Случай—это самая простая формула, прикрывающая обычно незнаніе людское. А для вѣрующаго нѣтъ и не можетъ быть ничего случайнаго. Самое естественное стеченіе обстоятельствъ онъ объясняетъ дѣйствіемъ Божія Промысла. Онъ знаетъ отъ Самого Господа своего Иисуса Христа, что и волосъ съ головы его не падаетъ безъ воли Отца небеснаго. Такъ было и со мной. Вдумайтесь, что произошло. Я всѣмъ сердцемъ скорбѣлъ о потерянномъ, похищенномъ крестѣ, не какъ о цѣнной вещи, а какъ о дорогой мнѣ святынѣ, какъ о предметѣ, который много говорилъ моему сердцу. И я показывалъ Господу-Сердцевѣдцу эту скорбь, и, грѣшный, дерзавъ давать обѣщаніе: если найдется мой крестъ, то раздать стоимость его бѣднымъ. Простите мнѣ, если кому покажется это дерзновеннымъ съ моей стороны, но я вѣрую, что Господь услышалъ мою молитву, молитву дѣтскую по предмету, о коемъ молился, услышалъ и исполнилъ, и такъ расположилъ обстоятельства, что мой крестъ нашелся.

И я сдѣлалъ надпись на крестѣ на случай его потери: кому онъ принадлежалъ и кому нынѣ принадлежитъ.

Какъ бы въ подкрѣпленіе такой моей вѣры тотъ же крестъ далъ мнѣ и еще урокъ.

Это было года два спустя послѣ того случая. Я былъ въ Москвѣ, имѣя этотъ крестъ на себѣ. Вхожу въ одинъ домъ, хозяинъ, здороваясь со мною, говоритъ мнѣ: „а гдѣ же вашъ крестъ?“

Я схватился за грудь: на мнѣ была только цѣпь отъ креста и коронка. Очевидно, шпенекъ, прикрѣпляющій крестъ къ коронкѣ, выпалъ, и крестъ я потерялъ...

Тотчасъ же я бросился на лѣстницу, на улицу: креста нигдѣ не было.

Тутъ заговорила во мнѣ совѣсть: а исполнилъ ли ты свое обѣщаніе? Правда, ты раздавалъ деньги, но сполна ли роздалъ

столько, сколько обѣщалъ? Видишь: часть отъ креста—цѣпь и корона остались, а креста снова у тебя нѣтъ... Вслѣдъ за совѣстью заговорило и чувство глубокаго раскаянія. Думалось: вѣдь какъ будто и денегъ не жаль было, а такъ, не считалъ, сколько даю, да все разбиралъ: тотъ не стоитъ, другой обманываетъ, третьему довольно и рубля. Такъ нѣтъ же! Если и теперь крестъ ко мнѣ вернется, я сразу отдамъ 200 руб. на первое, какое совѣсть подскажетъ, доброе дѣло!

Прошло дней пять. Я былъ уже въ своей обители. Вдругъ получаю съ почты письмо, писанное каракулями: „архимандритъ. Н! Скорѣе пріѣзжай ко мнѣ: твой крестъ у меня“. И—адресъ: рабочій такой-то.

Ясно, что надпись на крестѣ указала нашедшему его владѣльца.

Можете представить себѣ мою радость: снова Господь услышалъ мою молитву и вернулъ мнѣ мое сокровище, которое стало теперь для меня еще дороже! Нѣтъ надобности досказывать, что я тотчасъ же исполнилъ свой обѣтъ: самъ отвезъ въ сосѣднюю обитель 200 руб. на строившійся тамъ соборъ,—такъ подсказала мнѣ моя совѣсть.

Такъ научилъ меня мой крестъ!

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПАСТЫРЬ ДУШЪ.

(Памяти о. Василія Боровецкаго).

Господи, доколѣ будешь гнѣваться на насъ? Неумолимая смерть уноситъ въ могилу все лучшія силы, примѣрныхъ пастырей Церкви, которые беззавѣтно отдались великому пастырскому дѣлу. А остаемся на землѣ мы грѣшные, недостойные служители...

15 Апрѣля въ 10 часовъ утра въ селѣ Боровецкомъ скончался о. Василій Соколовъ, который въ народѣ былъ извѣстенъ болѣе по мѣсту своего служенія, какъ и о. Іоаннъ Сергіевъ.

Нѣсколько лѣтъ о. Василій былъ боленъ, жизнь боролась со смертью. Нѣсколько разъ онъ находился на краю могилы, но Господь хранилъ его для православнаго народа. Онъ и лежа въ постели, больной, служилъ Церкви Божіей и весьма плодотворно. За три мѣсяца до смерти онъ перебрался въ родной Борокъ, гдѣ положилъ свои лучшія силы, а предъ тѣмъ жилъ въ Вологдѣ на пенсіи. И къ его маленькой квартиркѣ шелъ народъ: и горожане и сельчане, пріѣзжавшіе иногда нарочно, чтобы побесѣдовать съ отцомъ духовнымъ, оказывавшимъ своимъ словомъ благотворное воздѣйствіе на душу человѣческую. Въ послѣдніе мѣсяцы оживился Борокъ, туда потянулись жаждающіе спасенія и ищущіе истинныхъ путей жизни, но слабый о. Василій говорилъ уже мало,

онъ благословлялъ всѣхъ на добрую хрістіанскую жизнь, но его подвижническое лицо своей горячѣй вѣрой и надеждой на милость Божію проповѣдовало не меньше словъ.

Не стало батюшки. Угасъ свѣтильникъ, грѣющій людскія сердца. Духовныя дѣти его въ великой скорби—лишились духовнаго благодѣтеля.

Что влекло къ о. Василю Боровецкому не только его многочисленныхъ прихожанъ, но и другихъ почитателей даже изъ отдаленныхъ отъ Борка мѣстностей?

Первые годы своего священническаго служенія о. Василій не былъ извѣстенъ, онъ не представлялъ изъ себя ничего особеннаго, онъ съ грустью сознавался, что страшится суда Божія за начало своего пастырскаго дѣланія. „Я и выпивалъ, и курилъ табакъ, жилъ въ суетѣ житейской, не понуждалъ себя къ стяжанію дара молитвы. По долгу священства я говорилъ народу о вредѣ пьянства, о пагубности пороковъ, но робко, не смѣло, я самъ чувствовалъ въ совѣсти: всякій можетъ сказать мнѣ: врачу исцѣлися самъ. Мое слово было мѣдью звенящею, мое слово было не опытное, я не примѣнялъ самъ средствъ борьбы со грѣхомъ, я не плакалъ о томъ, что сдѣлался плѣнникомъ грѣха. Совѣсть по временамъ мучила, но я мало двигался впередъ въ устроеніи своей духовной жизни. Посѣтилъ меня Господь болѣзною и произошелъ переломъ въ моей духовной жизни. Я очнулся, созналъ свое окаянство, предо мною ясно открылись истинныя пути пастырскаго служенія: обновленіе внутреннее, борьба со страстями, устроеніе своей духовной храмины и опытное служеніе паствѣ въ созиданіи душевнаго спасенія ея, въ прямомъ, вѣрномъ отвѣтѣ ея духовнымъ запросамъ словомъ и примѣромъ хрістіанской жизни пастыря.“

Кто зналъ о. Василя Боровецкаго до болѣзни, тотъ, встрѣтившись съ нимъ, не узнавалъ его вслѣдствіе разительной перемѣны, происшедшей въ духовномъ строѣ священника. Теперь уже не робкое было его слово, а горячее, воодушевляющее, призывающей къ покаянію, обновленію жизни благодатію Хрістовою, которая засвѣтилась въ его бодромъ, радостномъ лицѣ. Измѣнились навыки о. Василя. Онъ сдѣлался воздержнымъ, строгимъ къ себѣ. Постъ о. Василій несъ суровый. А главное онъ занялся внутреннею борьбою, работою надъ своимъ духовнымъ существомъ. У него появились мало вѣдомыя доселѣ и, къ сожалѣнію, мало вѣдомыя духовенству, мало читаемыя имъ руководства къ духовной жизни; онъ сталъ искать уже духовныхъ собесѣдниковъ, съ которыми бы могъ обсудить о средствахъ внутренняго дѣланія, и находилъ ихъ даже среди своихъ прихожанъ, проникнутыхъ любовью Хрістовою; смиреніе о. Василя позволило ему у нихъ, особенно у одного боголюбиваго мірянина, искать совѣтовъ духовныхъ, его повлекло къ невѣдомому доселѣ утѣшенію

пошвенія св. мѣстъ и бесѣды со старцами. О. Василій всюду искалъ бисеринки истиннаго знанія, черпалъ воду живую, дабы приобрѣсти нужный запасъ для великаго служенія Церкви Божіей и спасенія душъ человѣческихъ, вѣранныхъ его попеченію. Мнѣ хочется здѣсь сообщить разсказъ, слышанный мною изъ его устъ, характеризующій личность о. Василія послѣ перелома въ духовной жизни, разсказъ, говорящій о его смиреніи, которое стяжалъ онъ путемъ раскаянія и самоуглубленія.

„Были мы съ дѣдушкою (такъ онъ звалъ тестя—протоіерея) въ Кіевѣ. Остановились мы въ Лаврѣ. Съ дороги выпили чайку и пошли въ соборъ поклониться образу Пречистой. Входимъ. Служба кончилась. Маленькій послушникъ мететъ полъ въ храмѣ. Мы къ нему—намъ надо приложиться къ образу (который виситъ надъ царскими вратами). „—Служба уже кончилась, сказалъ послушникъ, да вы можетъ быть поѣли? Ужъ утромъ лучше на-тошакъ приложитесь къ святынь“.

А мы-то, съ горечью и самоукореніемъ говорилъ о. Василій, чурки этакіе, еще попами называемся, наѣлись да къ чудотворному образу прикладываться полѣзли. Похвалилъ я мальчика.

Въ Боровецкій храмъ сталъ ходить народъ все усерднѣй и усерднѣй. Онъ чувствовалъ сердце пастыря—молитвенника во время совершенія имъ божественной службы. Батюшка служилъ проникновенно, его возгласы, чтеніе молитвъ трогали душу народа. Большой храмъ Боровецкій съ трудомъ сталъ вмѣщать богомольцевъ. Въ храмѣ въ воскресные дни было жарко такъ, что стѣны дѣлались мокрыми, молящихся было такъ много, что трудно было перекреститься. Потъ градомъ падалъ съ лица ихъ. Но они терпѣливо стояли не два часа, не три, а и по пяти—по шести и говорили, что уходитъ изъ церкви не хотѣлось. Батюшка молился сердцемъ и они молились. О. Василій постарался, чтобы служба въ приходѣ была почти ежедневно, и въ будни приходили люди молиться. Батюшка часто проповѣдывалъ слово Божіе. Онъ не бичевалъ, не обличалъ, онъ раскрывалъ пороки и недостатки людскіе, призывалъ къ покаянію, внушая, какъ мерзки они, онъ указывалъ мѣры и средства борьбы. Въ его проповѣди слышались изреченія св. отцовъ Церкви—эти драгоценныя жемчужинки, которыя собиралъ о. Василій въ сокровище своей памяти, имъ передавались назидательные разсказы изъ жизни св. угодниковъ Божіихъ. На горячій, жизненный призывъ къ спасенію пошелъ народъ и изъ другихъ приходоу. Уже наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней являлись на Борокъ паломники, чтобы помолиться съ батюшкой, услышать его назидательное слово. О. Василій, не переставая проповѣдывать въ храмѣ, повелъ бесѣды еще въ церковной келліи. Сколько народа, жаждущаго воды живой, живого слова сбиралось на эти бесѣды, съ какимъ вниманіемъ онъ слушалъ рѣчь пастыря! Каждое слово

было понятно, было близко сердцу вѣрующихъ. Подолгу затягивались бесѣды. „Нерѣдко врагъ искушалъ, говаривалъ о. Василій, внушалъ то подѣ предлогомъ болѣзни, то по множеству другихъ дѣлъ приходскихъ оставлять эти часы простой задушевной проповѣди. То холодность являлась въ сердцѣ, иногда самоубіеніе. Но призывъ къ Богу за помощью воодушевлялъ и укрѣплялъ. Въ минуты искушеній чувствовалось, что и слушатели вмѣстѣ со мною холодѣли, скучали, но при подъемѣ моего духа, сознавшего ничтожность свою безъ подкрѣпленія благодатію Христовою, оживлялись и умилялись.“ Сколько добрыхъ сѣмянъ посеяно на нивѣ сердецъ человѣческихъ во время такихъ бесѣдъ, сколько страданій облегчено, сколько людей возвращено на истинный путь!. О. Василій своимъ словомъ производилъ на слушателей такое чудное дѣйствіе, что, кажется, скажи онъ имъ—пойдемте совершить такой или иной геройскій подвигъ, они, не задумываясь, пошли бы за нимъ. Словомъ своимъ о. Василій размягчалъ сердца. Бывало лишь скажетъ о положеніи какой нибудь несчастной семьи, посѣтуетъ, что въ храмѣ того-то недостаетъ или другого, открывалось сердце слушателей и они устраивали обильный сборъ. Самъ о. Василій подавалъ первый примѣръ. Вѣсть о добромъ пастырѣ душъ, съ любовью принимавшемъ всѣхъ скорбящихъ и обременныхъ грѣхами, широко неслась. Пріѣзжали къ о. Василію и дальніе гости и изъ г. Вологды люди интеллигентные, священники за мудрымъ совѣтомъ, назиданіемъ. Побываютъ разъ, ихъ потянетъ другой, третій. Въ о. Василіи, въ его рѣчахъ, въ его обращеніи, его совѣтахъ чужлось близкое, родное, дорогое, не хотѣлось разставаться съ нимъ.. Онъ врачевалъ, онъ возрождалъ, обращалъ къ новой жизни совѣмъ погибавшихъ людей.

Однажды въ вагонѣ желѣзной дороги во время поѣздки я разговорился съ сосѣдомъ по мѣсту крестьяниномъ, по виду благочестиво настроеннымъ, оказавшимся дѣйствительно хорошимъ христіаниномъ. Онъ ѣхалъ провѣдывать въ Вологду духовнаго отца Василія Боровецкаго; часто навѣщалъ онъ его. Веніаминъ, такъ звали сосѣда, крестьянинъ Грибцовскаго прихода, рассказалъ мнѣ, почему онъ питаетъ любовь къ батюшкѣ, къ которому его такъ влекло. „Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ я былъ настоящимъ разбойникомъ. Въ одномъ карманѣ—ножъ, въ другомъ револьверъ у меня были постоянно. Никого не жалѣлъ, ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, какъ говорятъ. Я былъ грозой для сосѣдей. Веньку, да Данилку, моего пріятеля, боялись всѣ, даже имени пугались. Тяжело должно быть становилось народу отъ нашихъ безобразій, онъ рѣшилъ прикончить съ нами. Днемъ я ужъ не показывался въ деревнѣ, только ночью выходилъ изъ дома. Тоска напала на меня. Жить, какъ слѣдуетъ, не могу. А такъ, по прежнему, нельзя жить, убьютъ, какой отвѣтъ дамъ на

томъ свѣтъ Господу? Разъ темною ночью, не сказавшись никому, ушелъ я изъ дома на Борокъ, прослышалъ, что есть тамъ батюшка хорошій, который можетъ дать совѣтъ и направить на путь спасительный. Батюшка о. Василій ласково принялъ меня. Я разсказалъ ему про свое горе, просилъ исповѣдать меня. Батюшка сначала отправлялъ меня исповѣдаться къ своему приходскому священнику, но я упросилъ его принять мое покаяніе. И точно вновь родился я, какъ исповѣдался у о. Василя. Я долго слушалъ его наставленія. Три дня прошло, и не видалъ, какъ пролетѣли они. Иду домой радостный, бодрый; попадается мнѣ навстрѣчу толпа сосѣдей, они вышли искать меня, думали, что меня кто нибудь злодѣя „уходилъ“. А я толпѣ — въ ноги. Простите, говорю, забудьте мои грѣхи, чѣмъ могу теперь, каждому изъ васъ услужу. Какъ мнѣ не любить о. Василя, онъ меня изъ бездны выволокъ,“ заключилъ свою рѣчь Веніаминъ. Поговорите съ боровецкими прихожанами, они разскажутъ вамъ дивные случаи вразумленія батюшки, обращенія имъ многихъ на спасительный путь жизни. Онъ никѣмъ не гнушался, всѣхъ принималъ, даже и въ болѣзни, бесѣдовалъ, не жалѣя силъ, искусно врачевалъ немощи душевныя, мудро руководилъ своихъ духовныхъ дѣтей, ибо самъ онъ опытно проходилъ путь отъ смерти къ жизни, отъ рабства грѣху къ сыновству Богу. О. Василій внимательно и усердно изучалъ свой внутренній міръ съ его непрестанною борьбою, онъ дѣятельно велъ борьбу съ злымъ началомъ въ своей душѣ. Сохранился дневникъ батюшки, веденный имъ болѣе пяти лѣтъ — это раскрытіе болячекъ его души, это постепенное, медленное врачеваніе ихъ, устроеніе своего духовнаго міра. Отъ большинства страницъ при чтеніи дневника вѣетъ сильною скорбью о грѣховности природы челоуѣка, о немощи его, чувствуется, какъ авторъ съ болью въ сердцѣ досадуетъ на себя за то, что не устоялъ противъ козней врага. Но есть страницы, проникнутыя свѣтлымъ упованіемъ, радостью духовною, какъ плодомъ духовнаго подвига, каковою радостью Господь награждаетъ смиренныхъ рабовъ Своихъ. Читая дневникъ о. Василя, понимаешь, почему народъ шелъ къ нему во множествѣ, какъ къ родному отцу: онъ какъ опытный врачъ духовный лечилъ недуги обращающихся къ нему со своими нуждами.

Подвижническая жизнь, труды и скорби подломили силы о. Василя. Послѣдшіе годы своей жизни на Борку онъ часто хворалъ. Раскинутость прихода, многотрудность служенія въ немъ побудила о. Василя оставить Борокъ, свой приходъ, съ которымъ онъ такъ сроднился душой. Тяжело ему было разставаться со своей паствой, со своимъ дѣломъ.

Но силы угасали... Онъ уже не могъ нести бремени служенія. О. Василій въ 1904 году поступилъ на должность духовника Духовной Семинаріи и переѣхалъ въ Вологду. Духовныя дѣти

его, впрочемъ, нашли его и тутъ. Гости съ Борку и другихъ мѣстъ—никогда не переводились у батюшки, пока онъ жилъ въ Вологдѣ. Они шли за лаской, за совѣтомъ, утѣшеніемъ.

Какъ духовникъ Семинаріи, о. Василій пользовался любовью со стороны воспитанниковъ, хотя ему и пришлось жить въ годы броженія. Ученики почитали своего духовника; когда онъ ходилъ къ нимъ бесѣдовать, они слушали его съ большимъ вниманіемъ, ибо его слово не было сухимъ, безсердечнымъ но простымъ одушевленнымъ жизненнымъ. Юноша чувствуетъ неподдѣльность и искренность сердца. Нѣкоторые воспитанники привязались къ о. Василю и въ послѣдствіи уже у постели больного ихъ можно было встрѣчать и наблюдать, съ какимъ благоговѣніемъ они слушали бесѣду своего любимаго бывшего духовника.

И если бы эти живыя рѣчи о. Василя о пастырствѣ, о борьбѣ со грѣхомъ, о добродѣланіи продолжились, если бы онъ еще послужилъ въ Семинаріи, можетъ быть влеченіе къ трудному пастырскому служенію, желаніе отдать ему свои силы появилось въ семинарскомъ юношествѣ въ большихъ размѣрахъ.

О. Василій ушелъ на покой, сталъ жить на свою маленькую пенсію. Онъ уже съ той поры сталъ все сильнѣе и сильнѣе прихварывать. Съ удивительнымъ терпѣніемъ онъ переносилъ посланное ему испытаніе—болѣзнь, которая его приковала къ одру. Объ одномъ тосковалъ онъ, что не могъ бывать въ церкви, это являлось для него великимъ лишеніемъ. Скорбѣлъ онъ на одрѣ болѣзненнымъ о грѣхахъ своихъ, но никогда не жаловался на судьбу свою, не ропталъ, что Богъ послалъ ему продолжительныя страданія, по временамъ онъ даже высказывался о великой пользѣ своей болѣзни для души. Подкрѣпленіе себѣ о. Василій искалъ въ частомъ причащеніи св. Таинъ. Счастливейшимъ днемъ своей жизни считалъ онъ тотъ, когда, по милости Божіей, онъ чувствовалъ въ себѣ силы съѣздить на извошикъ къ ближайшей отъ квартиры Екатерининской церкви и поучаствовать въ совершеніи литургіи.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти о. Василій переѣхалъ на родной ему Борокъ, поселился тамъ въ своей маленькой келіи.

Вблизи храма, въ которомъ служилъ лучшіе годы жизни, о. Василій нашелъ себѣ вѣчное упокоеніе. Массы народа собрались проститься съ дорогимъ ему пастыремъ, нимало не забытымъ, хотя пять лѣтъ онъ и не жилъ на Борку. Многіе провожали его со слезами и плачемъ, какъ духовнаго отца и благодѣтеля, вполне сознавая, какого сокровища лишились они. Къ могилкѣ о. Василя тропа не заростеть.

Игуменъ Неофитъ.